

<https://publications.dainst.org>

iDAI.publications

DIGITALE PUBLIKATIONEN DES
DEUTSCHEN ARCHÄOLOGISCHEN INSTITUTS

Das ist eine digitale Ausgabe von / This is a digital edition of

Dähne, Burkart

Karabalgasun – Stadt der Nomaden: die archäologischen Ausgrabungen in der frühuigurischen Hauptstadt 2009–2011

der Reihe / of the series

Forschungen zur Archäologie außereuropäischer Kulturen; Bd. 14

DOI: <https://doi.org/10.34780/31bg-9k6m>

Herausgebende Institution / Publisher:
Deutsches Archäologisches Institut

Copyright (Digital Edition) © 2022 Deutsches Archäologisches Institut
Deutsches Archäologisches Institut, Zentrale, Podbielskiallee 69–71, 14195 Berlin, Tel: +49 30 187711-0
Email: info@dainst.de | Web: <https://www.dainst.org>

Nutzungsbedingungen: Mit dem Herunterladen erkennen Sie die Nutzungsbedingungen (<https://publications.dainst.org/terms-of-use>) von iDAI.publications an. Sofern in dem Dokument nichts anderes ausdrücklich vermerkt ist, gelten folgende Nutzungsbedingungen: Die Nutzung der Inhalte ist ausschließlich privaten Nutzerinnen / Nutzern für den eigenen wissenschaftlichen und sonstigen privaten Gebrauch gestattet. Sämtliche Texte, Bilder und sonstige Inhalte in diesem Dokument unterliegen dem Schutz des Urheberrechts gemäß dem Urheberrechtsgesetz der Bundesrepublik Deutschland. Die Inhalte können von Ihnen nur dann genutzt und vervielfältigt werden, wenn Ihnen dies im Einzelfall durch den Rechteinhaber oder die Schrankenregelungen des Urheberrechts gestattet ist. Jede Art der Nutzung zu gewerblichen Zwecken ist untersagt. Zu den Möglichkeiten einer Lizenzierung von Nutzungsrechten wenden Sie sich bitte direkt an die verantwortlichen Herausgeberinnen/Herausgeber der entsprechenden Publikationsorgane oder an die Online-Redaktion des Deutschen Archäologischen Instituts (info@dainst.de). Etwaige davon abweichende Lizenzbedingungen sind im Abbildungsnachweis vermerkt.

Terms of use: By downloading you accept the terms of use (<https://publications.dainst.org/terms-of-use>) of iDAI.publications. Unless otherwise stated in the document, the following terms of use are applicable: All materials including texts, articles, images and other content contained in this document are subject to the German copyright. The contents are for personal use only and may only be reproduced or made accessible to third parties if you have gained permission from the copyright owner. Any form of commercial use is expressly prohibited. When seeking the granting of licenses of use or permission to reproduce any kind of material please contact the responsible editors of the publications or contact the Deutsches Archäologisches Institut (info@dainst.de). Any deviating terms of use are indicated in the credits.

Археологические раскопки раннеуйгурской столицы Карабалгасун в 2009–2011 годах – Резюме

Перевод *Марины Тыдо*

Настоящая монография посвящена материалам раскопок монголо-германской экспедиции Орхон (MONDOгEx), проведенных в 2009–2011 гг. в уйгурской столице Карабалгасун (Монголия). Книга начинается с истории изучения Карабалгасуна, введения в тематику и историческое окружение. Далее по главам излагаются основные проблемы, рассматриваются и анализируются результаты раскопок. Основной акцент сделан на свидетельства археологических построек и историю города. В заключении результаты археологических раскопок рассматриваются в контексте истории ранних поселений и городов Центральной Азии – Монголии, Южной Сибири и Бурятии. Эта монография может восприниматься как базовое исследование, посвященное столице первого уйгурского каганата, практически неизвестной из археологических источников.

В дополнении к истории изучения Карабалгасуна в монографии представлен обобщенный обзор новейших и старых исследований, а также даны новые карты. Первая научная публикация, посвященная истории уйгурской столицы, стала возможна благодаря новым данным, полученным в ходе современных археологических раскопок. Эта книга может стать основой в дальнейшем изучении города в период поздних кочевников Центральной Азии.

Карабалгасуну отводится особая роль в истории поселений поздних кочевников Центральной Азии.

Здесь впервые демонстрируется не только стремление к объединению кочевнических племён, но и проявляются притязания на господство в виде основания столицы. Это является отражением изменения культуры, перешедшей от чистого кочевого скотоводства к определённой степени оседлости. В процессе урбанизации, который имел место в среде поздних кочевников и впервые проявился у уйгуров, играли существенную роль многочисленные факторы. Известные по синологическим и тюркологическим источникам отношения уйгуров с китайцами и согдийцами являются лишь одним аспектом этого явления. Начавшиеся в 2007 г. научные исследования уйгурской столицы Карабалгасун уже на начальном этапе внесли существенный вклад в более лучшее понимание этого процесса и создали основу для дальнейшего изучения.

Источники

Известные исторические письменные источники о городе Орду-Балык или Карабалгасун ограничены. Их можно разделить на китайские хроники, уйгурские/древнетюркские надписи на каменных стелах и арабские или персидские повествования о путешествиях. Важнейшей и связанной непосредственно с уйгурской столицей надписью является так называемая Карабал-

гасунская надпись («надпись на трёх языках»). Она была возведена в центре комплекса двойных валов и помимо военных успехов кагана Бо-и-хан (808–821 гг.) и его предшественников прославляет на древнетюркском, согдийском и китайском языках обращение уйгуров в манихейство. Поскольку многочисленные исторические события известны исключительно благодаря этой надписи, она является важным источником для изучения первого уйгурского каганата и манихейства.

Современная история изучения Карабалгасуна первоначально была тесно связана со старомонгольской столицей Каракорум, находящейся, судя по современным данным, где-то в 35 км южнее Карабалгасуна. Из-за этого небольшого для монгольской степи расстояния до Каракорума за старомонгольскую столицу принимали Орду-Балык.

Первая большая экспедиция, проведённая в 1891 г. под руководством востоковеда-тюрколога Вильгельма Радлоффа (Василия Радлова), привлекла внимание исследователей к Карабалгасуну. Документация первых раскопок, проведенных в 1912 г. русско-польской экспедицией под руководством В. Л. Котвича и Маскова, недавно обнаружена в польском архиве. В 1948–1949 гг. крупномасштабные раскопки в Каракоруме осуществил русский археолог Сергей Киселёв. В ходе исследований старомонгольской столицы в 1949 г. он также заложил несколько шурфов в Карабалгасуне. К сожалению, результаты этих раскопок опубликованы не столь подробно, как раскопки Каракорума. С 1949 г. научные раскопки в Карабалгасуне не проводились. В 1976 и 1979 гг. разведками Ю. С. Худякова и Д. Цэвээндоржа на территории города собрана коллекция и выявлены некоторые типы уйгурской керамики.

План города

Перед началом раскопок экспедиция MONDOгEx в 2007 г. осуществила лазерное сканирование (Airborne Laserscan) территории города. Это было вызвано тем, что единственный существующий план был сделан еще экспедицией Радлоффа в конце XIX в. Согласно новым данным относящиеся к городу сооружения занимают около 32 кв. км.

На плане города обращает на себя внимание расположение построек (вплоть до незначительных исключений) по схеме, отражающей типичную для древних тюрков и уйгуров ориентацию на восток. Так называемый дворцовый или храмовый округ является самой выдающейся частью города. Он привлекал большое внимание исследователей с конца XIX в. Сохранившиеся окружающие его валы, которые на высоту до 8 м

возвышаются в окрестной степи, типичны для Центральной Азии. Они были построены в технике земляного строительства. Эта окруженная валами часть города считается сакральным или административным центром Карабалгасуна. До тех пор, пока функция округа остается неясной, он рассматривается как так называемый дворцово-храмовый округ и обозначается в рамках проекта сокращением НВ2. Его план похож на многие укрепленные валами сооружения уйгурского и древнетюркского времени Центральной Азии, однако они всегда расположены одиночно, без окружающих поселенческих структур.

Местонахождение так называемого дворцово-храмового округа внутри города на первый взгляд необычно. Он размещен на северо-восточном краю плотно застроенной территории, при этом севернее находятся лишь немногие отдельные постройки, а восточнее ничего не обнаружено. В отношении восточной ориентации уйгурской архитектуры примечательно совершенно свободное пространство восточнее округа (и его единственного входа на востоке). Также необычным кажется расположение входа в дворцово-храмовый округ по отношению к линии магистрали и ориентированных по отношению к ней построек. Однозначный ответ о планировке отсутствует. Во-первых, зоны восточнее валов из-за близости реки Орхон очень влажные и не пригодны для застройки. Во-вторых, области севернее – это неблагоприятная болотистая местность. Таким образом, остальные городские постройки располагались, прежде всего, на юге и на западе. В качестве объяснения не стоит исключать вопрос об одновременности застройки различных округов города.

Расположение так называемого дворцово-храмового округа позволяет сделать вывод о его функционировании в качестве культурного или административного центра древнетюркского времени, который сначала был центральным местом расположения уйгуров. С основанием уйгурского каганата в 744/745 гг., а также благодаря многочисленным торговым связям и выплате дани, прежде отдельно стоящий округ расширился до уровня большого городского центра, а затем стал городом Орду-Балык.

Следующий четко ограниченный комплекс построек находится в нескольких сотнях метров к югу от так называемого дворцово-храмового округа. Речь идет о комплексе с остатками «надписи на трёх языках», окруженном двойным валом. Непосредственная близость к округу НВ2, наличие главных и второстепенных зданий, а также его связь со стелой с надписью сделали этот комплекс особо интересным для исследований экспедицией MONDOгEx. Он был обозначен как НВ1.

Многочисленные здания, находящиеся к юго-западу дворцово-храмового округа, невозможно четко

отделить друг от друга. Они не разделены улицами или валами на большие кварталы. Исключение составляет ограниченная валом территория размером 1000 м × 1000 м на северной окраине магистрали. Вход в неё находится на востоке и ведёт непосредственно к главной улице. С внутренней стороны к входу примыкает широкая площадь длиной около 500 м. Эта территория в Карабалгасуне обозначена как НВ3.

При рассмотрении плана Карабалгасуна обращает на себя внимание отсутствие городских стен. Вероятно, для обороны было достаточно обеспечить важнейшие пути доступа в долину среднего течения Орхона постами охраны. С одной стороны, склоны Хангайских гор на западе, Орхон на востоке и болота на севере образовывали естественную защиту города. С другой стороны, города номадов или городские центры нельзя обозначать понятием «город», применимым для европейского средневековья или китайского времени Тан.

Прежде всего, в отношении планировки города следует отметить, что города этого же времени китайской императорской династии Тан строились по другим планам. В Карабалгасуне отсутствует главный признак китайских городов – стена. Помимо этого в Карабалгасуне недостаточно отчётливо прослеживаются черты китайской императорской архитектуры, следующей строгой схеме с характерной симметрией и выраженной осевой иерархией строений. Расположение китайского дворцового города в северном центре, а также магистрали на главной оси, ведущей прямо к воротам, отличается от Карабалгасуна, в котором для того, чтобы достичь ворот нужно обходить дворцово-храмовый округ по главной улице. Находящиеся на юге городские структуры Карабалгасуна напоминают скорее городские центры восточно-иранского происхождения, например, согдский город Старый Пенджикент в современном Таджикистане, датируемый первой четвертью VIII в. В последнем случае сходство с Карабалгасуном гораздо более ярко выражено, как видно на примере децентрализованной магистрали и ориентированной по ней плотной застройки.

Результаты раскопок

НВ1 – манихейский сакральный комплекс

Центральная постройка этого сооружения чётко взаимосвязана со всем комплексом валов и с «надписью на трёх языках» в центре. Архитектура и конструктивные особенности постройки на глиняной платформе, а

также расположение на центральной оси подчеркивают её значение.

В здании отчётливо прослеживаются две фазы строительства. Первая фаза характеризуется сооружением глиняной платформы, которая была расширена ступенями и рампами. Местность небольшими выравниваниями была подготовлена для возведения главной платформы, построенной из землебита и частично из сухих глиняных кирпичей. Самая верхняя платформа была незастроена. Лишь на северной и западной стороне, а также, вероятнее всего, на южной стороне, находились стены, оштукатуренные и окрашенные с внутренней стороны. К первой фазе относятся различные пристроенные ступени и платформы, структурирующие здание.

Вход на верхнюю платформу осуществлялся с востока по платформам и, предположительно, с запада по лестнице. Северная и южная платформы лишь с некоторой долей вероятности могут быть отнесены к первой фазе строительства. Также невозможно с уверенностью сказать, использовались ли они в качестве входа. Предположительно, они служили удлинением восточной анфилады главной платформы по направлению север-юг и ограничением задних частей здания от предфасадной площади. Во время первой фазы строительства обе восточные платформы вели по горизонтальной промежуточной ступени (В1015) на самую верхнюю платформу. Такие дополнительные элементы, как деревянные пороги и находящиеся по обе стороны столбовые ямы, свидетельствуют в пользу предположения о наличии прохода. Доступ к находящемуся с задней стороны внутреннему двору, к которому с запада по центральной оси комплекса прилегает следующее здание, осуществлялся, очевидно, по лестнице с верхней платформы. Вероятно, здания были напрямую взаимосвязаны. Внутренний двор ограничивался боковой стеной восточно-западной анфилады южного края платформы. Помимо двух дислоцированных гранитных квадров *in situ* была найдена лишь одна база колонны. Предположительно, в северо-западном углу главной платформы могли находиться основы дальнейших анфилад и углов здания, однако ясные доказательства этого не обнаружены.

Во второй фазе строительства поверхность главной платформы была расширена на восток таким образом, что передняя ступень платформы В1015 была поднята до уровня самой верхней платформы (В1003). Вход осуществлялся по крутой рампе. Причина переформирования и нового структурирования платформы неясна. Несомненно, центральное строение было сооружено вместе с комплексом двойных валов. Это отчётливо прослеживается согласно взаиморасположению отдельных строительных структур относительно друг друга. Параллельная направленность сто-

рон внешними валами всего комплекса НВ1, как и расположение на центральной оси, указывают на одновременное возведение всего сооружения. Однако первоначальная функция центрального здания неясна.

Карабалгасунская надпись появилась некоторое время спустя после основания города или после возведения комплекса двойных валов в его центре, и доказательств её смещения нет. Обсуждаемые в тюркологии датировки надписи приходятся на 815 и 821 или 834 г., т.е. на второй период бытования Карабалгасуна. В надписи содержатся сведения о принятии манихейства, произошедшем в 762 г. Следовательно, выбор места в центре комплекса двойных валов свидетельствует о прямом отношении к манихейству, что позволяет предположить сакральную функцию сооружения. Вероятно, произведённые во второй фазе строительства изменения были связаны с появлением надписи и переоформлением комплекса в манихейское святилище.

Пристройка: На данный момент известны два помещения: одно в северо-западном углу здания и одно на его восточной стороне. Для обоих характерны твёрдые глинобитные полы и оштукатуренные с внутренних сторон стены. Поскольку расстояние между этими двумя помещениями пока не исследовано, пока невозможно считать их взаимосвязанными, к тому же на 35–40 см различается уровень расположения полов. Стены в нижней части сделаны из землечита. Обрушившиеся остатки необожженных глиняных кирпичей позволяют предположить наличие кирпичной кладки, находившейся в расположенной выше части стен. На всех внутренних сторонах стен обнаружена светлая известковая штукатурка. Насколько можно было определить, она не была орнаментирована и доходила до пола. Планы обоих помещений не были установлены. Также не были найдены вход в здание на востоке по образцу находящегося на востоке ворот, ведущих в комплекс, и подъёмы к центральному строению.

К помещению с исследованной восточной стеной примыкает находящаяся на юге пристройка, от которой пока исследована лишь доступная с юга ниша (шириной 1,20 м с востока на запад) и оштукатуренная с внутренней стороны. Лазерное сканирование (Airborn Laserscan) позволяет распознать, что в области ниши обозначенное углублением внутреннее помещение главного здания имеет в этом месте южное окончание (В 0037). Прилегающая с юга часть не показывает подобного углубления и состоит предположительно из твёрдой основы, вероятно, глиняной платформы. Дальнейшие раскопки помогут выяснить, был ли весь северо-западный комплекс зданий ориентирован на юг, так как вход на востоке и южная пристройка платформы не обнаружены. Поскольку между централь-

ным строением и северо-западной пристройкой находится большое углубление, которое ограничивается северной платформой центрального строения и может представлять собой внутренний двор, пристройка внутри архитектурного ансамбля вполне могла быть ориентирована на юг.

Слои заполнения внутри обоих помещений указывают на обвал выше лежащих конструкций здания. При этом были найдены как обвалившиеся стены, так и части крыши.

Здание можно датировать по находкам керамики. В слоях заполнения В0012 непосредственно на полу В0011 были обнаружены фрагменты с типичной уйгурской или древнетюркской орнаментацией. Датировка уйгурским временем подтверждается результатами анализа ¹⁴С. Находка захоронения указывает на последующее вторичное использование этого здания. Предположительно старомонгольское захоронение в нише в дощатом гробу было в более позднее время расположено в западной стороне северо-западного помещения. При этом были разрушены оригинальные части штукатурки, стены и пола. Судя по инвентарю и ориентировке умершего в направлении север-юг, погребение однозначно не уйгурское. Подробное исследование скелета не производилось.

Раскопки вала: Раскопки, проведенные на северном внешнем валу комплекса двойных валов НВ1, не дали однозначных результатов относительно возведения и конструкции вала. Раскопанных строительных комплексов ещё недостаточно для интерпретации. Внешний вал, вероятно, не выполнял непосредственной защитной функции. Скорее, он являлся ограждением завершённого квартала. На это указывают размеры вала: ширина 3 м и высота как минимум 1,20 м. Некоторые здания, находящиеся внутри комплекса на возвышении, как, например, центральное строение, были явно видны снаружи. Многочисленные фрагменты черепицы в области внутренних слоёв заполнения и обвалов свидетельствуют, по меньшей мере, о частичном наличии крыши.

НВ2 – дворцово-храмовый округ

Два центральных холма во внутреннем пространстве так называемого дворцово-храмового округа, которым из-за осевой направленности придается большое значение, относятся к единому архитектурному ансамблю. Поэтому оба холма, как и данные их раскопок, будут рассматриваться в совокупности.

Здание западного холма построено на глиняной платформе, и если смотреть с восточной стороны и стороны входа, оно находится за восточным холмом, который закрывает центральный внутренний двор на

западе. В здании находился открытый притвор около 5 м глубиной, который поддерживался рядом деревянных, несохранившихся колонн. На их гранитных базах имеется узор, однозначно относящийся к орнаментации строений времени Тан. Однако в данном случае китайский порядок расположения колонн сознательно игнорируется, т.к. было использовано нечётное количество колонн (zhu) и, соответственно, чётное количество соединительных балок (jian). Зал был покрыт стяжкой голубого цвета и разделён в южной части деревянными брёвнами, расположенными под прямым углом друг к другу. Вовнутрь он частично был ограничен широкой перекладиной из землебита, на восточной стороне которой находились заложенные кирпичом ниши узких деревянных колонн. Они могли выполнять функцию несущей конструкции для крыши или быть постаментами статуй. В качестве аналогии можно привести пример конструкции из западной части буддийского храма, датированного VII в. из Ак-Бешима в Киргизии. В нём к западу от колонн на стеновых блоках располагаются небольшие постаменты с нишами для статуй Будды и стоящие по центру перед ними кружки для пожертвований. Эта аналогия важна, если принять во внимание интерпретацию строения в качестве здания с элементами манихейства, поскольку в манихействе в зонах контакта с другими религиями перенимались, прежде всего, иконография и архитектура. Этот архитектурный ансамбль может иметь отношение к манихейству, особенно учитывая ступу, находящуюся западнее строения на центральной оси и имеющую в буддизме сакральное значение.

Притвор образует предположительную область подхода к зданию длиной 16 м и шириной 29 м. Он ограничен галереей из квадратных обожженных глиняных пластин на севере и западе здания. По крайней мере, на севере он проходит не насквозь, а прерывается глиняным блоком размером 3 м в длину, стороны которого можно распознавались по краям штукатурки. Зондирования пока не дали сведений о западном проходе в направлении ступы.

Все до сих пор раскопанные зоны не позволяют выявить чёткую архитектуру здания. Помимо стен из землебита и необожженных глиняных кирпичей использовались конструкции из дерева и глины. Их основания состоят из лежащих столбов, обмазанных глиной. В зависимости от функции, некоторые из порогов были расширены до стен таким образом, что брёвна были подняты вертикальной связкой при помощи маленьких деревянных палок и обмазаны глиной. Простые пороги с глиняной обмазкой были частично перенесены к основанию стен из землебита. Помимо типичной волнистой формы черепицы, влияния китайской династии Тан демонстрируют орнаментация баз колонн и голова дракона из гранита, которая была ис-

пользована для украшения южной стороны платформы. Тем не менее, сознательное отклонение от китайского способа расположения колонн показывает, что применялись лишь определённые элементы, а влияния или образцы были переняты выборочно.

Предположительно, важнейшая часть центра здания была сильно разрушена старыми раскопками. Под поверхностью платформы находилась погруженная в стерильную глину конструкция в виде ящика. Датировка бревна при помощи метода ¹⁴C показала возраст дерева старше основания Карабалгасуна на одно столетие. Однако при рассмотрении результатов следует помнить о небольшом количестве проб. Можно предположить, что предыдущее строение времени до основания уйгурского каганата (744 г.) разобрали, а строительные материалы использовали снова. Тогда в случае здания западного холма речь может идти о древнейшей части города, которая существовала во время провозглашения уйгурского государства в 744/745 г. и в действительности могла являться частями раннеуйгурского орду, который сначала на этом месте был минимально укреплен или же был построен без защитных сооружений. В этом отношении особую роль приобретают девять баз колонн, которые в соответствии с уйгурской числовой символикой могли представлять собой девять объединённых уйгурских племён. На месте старого поселения или культового места могло быть создано место для собраний, которое демонстрировало единство уйгурского объединения племён. В любом случае, территорию, окружённую валами, можно рассматривать как центр уйгурского каганата, будь он административный или сакральный.

Как известно, числовая символика древнетюркских и уйгурских обществ основывается на цифре 3 и её производных, особенно 9 и 12 (например, 12 «созданий света»). Как уже было показано на плане города, необходимо обращать внимание на согдийские и манихейские влияния при анализе архитектурной формы. Базы девяти колонн на западном холме так называемого дворцового или храмового округа свидетельствуют скорее в пользу манихейского, чем буддистского контекста. Числовая символика также могла иметь определённое значение в связи с геометрической фигурой, которой были украшены различные изделия. В трёх случаях речь идёт о пластине из обожженной глины, на которой после обжига прочерчивался символ. Он напоминает игральную доску игры в мельницу варианта «Twelve Men's Morris», когда углы трёх помещенных друг в друга квадратов связываются дополнительными линиями. В этот вариант игры, ведущий происхождение, вероятно, из манихейской среды, играют при помощи двенадцати кубиков. Она была завезена в Европу во время крестовых походов тамплиерами.

Здание восточного холма раскопано недостаточно, чтобы реконструировать его размеры и архитектуру. Оно было возведено на платформе-фундаменте и имеет на верхнем краю пол, покрытый стяжкой. Следы параллельно лежащих деревянных шпал позволяют определить отдельные участки или помещения. В восточной части холма платформа размером 7 × 8 м была вымощена предположительно вторично использованными строительными материалами. Его пока невозможно уверенно датировать. Вплоть до уровней, по которым ходили, такие архитектурные элементы, как стены, столбы или основания колонн, не обнаружены. Вход в здание также не был установлен. Ответы на эти вопросы дадут лишь будущие исследования.

Контекст

Археологические исследования поселений поздних кочевников в восточной части Центральной Азии находятся на начальной стадии. Исследования известных конструкций с валами более интенсивно стали проводиться лишь середины прошлого века. Первоначальную систематизацию поселений Монголии предпринял монгольский археолог Х. Пэрлээ. В Тувинской области Л. Р. Кызласов подробно изучал конструкции с валами вдоль течений рек Енисей и Хемчик. В 2004 г. С. В. Данилов опубликовал результаты последних масштабных исследований по истории поселений поздних кочевнических культур Южной Сибири и Забайкалья. Хронологическое упорядочивание проводилось на основании подъёмных материалов или таких структурных признаков как ориентировка, связанные с ними могильники, поскольку лишь в отдельных случаях проводились археологические раскопки. Перечисленные поселения поздних кочевников времени от сюнну/хунну до уйгуров показывают сложности, возникающие при упорядочивании поселений, на которых не проводились систематические археологические исследования. Особенно это относится к конструкциям с валами предположительно уйгурского времени, поскольку шурфы были заложены лишь в единичных случаях. Вследствие этого пока невозможно представить очерк об уйгурских поселениях.

Первые поселения и укрепления в контексте поздних кочевников относятся ко времени сюнну/хунну. Хорошо укрепленные поселения, как, например, Иволгинское городище, С. В. Данилов считает убежищами. Однако некоторые из этих поселений демонстрируют признаки ранних городов или «протогородов», чьи жители занимались земледелием и металлообработкой. Здесь логичнее предположить, что среди кочевых племён чистое кочевое скотоводство является исключе-

нием. С. С. Миняев указывает на то, что во время сюнну/хунну в Центральной Азии была достигнута первая ступень урбанизации. Причины её скорее военно-стратегические, чем экономические.

При изучении истории поселений объединений поздних кочевников возникает вопрос последовательности, касающийся не только архитектуры и размеров сооружений, но и места их расположения. Поселения государств ксианби и Чжоу-ян после окончания господства хунну в Центральной Азии неизвестны, несмотря на то, что к примеру, в китайских хрониках упоминается столица Чжоу-ян, окруженная двумя валами. Кроме того, для этих объединений племён не характерны очевидные отношения с соседним оседлым государством. Политика хунну продолжилась лишь со времени каганата древних тюрков в виде эксплуатации чужих государств. Они вынуждали Китай платить дань и продавали товары в Византию и арабский мир по межконтинентальному пути. Поэтому Х. Пэрлээ предполагал существование древнетюркских поселений или городов. Однако окончательных доказательств этому нет.

Несмотря на отсутствие укрепленных поселений, из письменных источников, надписей на стенах и имеющем особое значение мемориальном месте Хөшөө Цайдам, становится ясно значение Этуген или долины Орхона. Для последовавшего за вторым тюркским каганатом уйгурского государства по сравнению с предыдущими объединениями племён поздних кочевников характерно образование большой столицы. Выбор места расположения в Этуген следует традиции древних тюрков, что подтверждает находящееся недалеко от Карабалгасуна мемориальное место Хөшөө Цайдам. Вблизи столицы были обнаружены многочисленные небольшие комплексы с валами, по всей вероятности, уйгурского времени, для которых предполагается военно-стратегическое или административное значение.

Для сравнения комплексов с валами, бытовавших в различные периоды поздних кочевников, недостаточно примеров, но всё же можно сделать некоторые выводы. Относительно способа постройки, в случаях, когда были проведены научные исследования, во все времена применялся землебит и сушеный кирпич, что основывалось на доступных ресурсах и уровне технических знаний древнего населения Центральной Азии. Особенно примечательно начавшееся при уйгурах основание таких городских центров как Карабалгасун и Байбалыг. Здесь ясно вырисовывается тенденция, что начали сооружаться не только исключительно небольшие сооружения с валами для сезонных стоянок, но также центры больших размеров для размещения многих тысяч людей. Многие аспекты могли играть определённую роль при этом развитии, что отличает уйгурский каганат от предыдущих объединений поздних кочевников. Во-первых, отношения уйгурского кага-

ната с китайским двором династии Тан было иным, чем прежде. Уйгурские каганы поддерживали подавление восстания против китайского императорского дома за так называемые подарки, которые были несоотносимо дорогие, или же они разоряли их города. Также взимание дани под прикрытием «торгового договора» – поставки уйгуров были несоотносимые с затратами китайцев. Товары, попадавшие к уйгурскому кагану в виде подарков, дани или налогов, были прежде всего объектами престижа. Часть их продавалась по Шёлковому пути в Иран, Византию и Аравию. Для этого были необходимы места для хранения и продажи. В возросшей роли торговли своё значение имели и согдийцы, занимавшие влиятельные позиции при дворе уйгурского государя в качестве консультантов кагана и контролёров межконтинентальной торговой

сети. Они же были посредниками манихейства для уйгуров, с принятием которого в качестве государственной религии произошло дальнейшее изменение культуры. Можно предположить, что в сравнении с более древними объединениями поздних кочевников, усиленное развитие торговли и принятие манихейства привело именно к тем изменениям, сделавшим урбанизацию необходимой.

Обращает на себя внимание сложность археологической интерпретации комплексов с валами или поселений поздних кочевников. Отметим, что особенно в последние годы существенно выросли археологические раскопки таких поселений. Продолжается также дальнейшее изучение Карабалгасуна, что позволяет рассматривать и вписывать уйгурскую столицу в контекст этих поселений.

